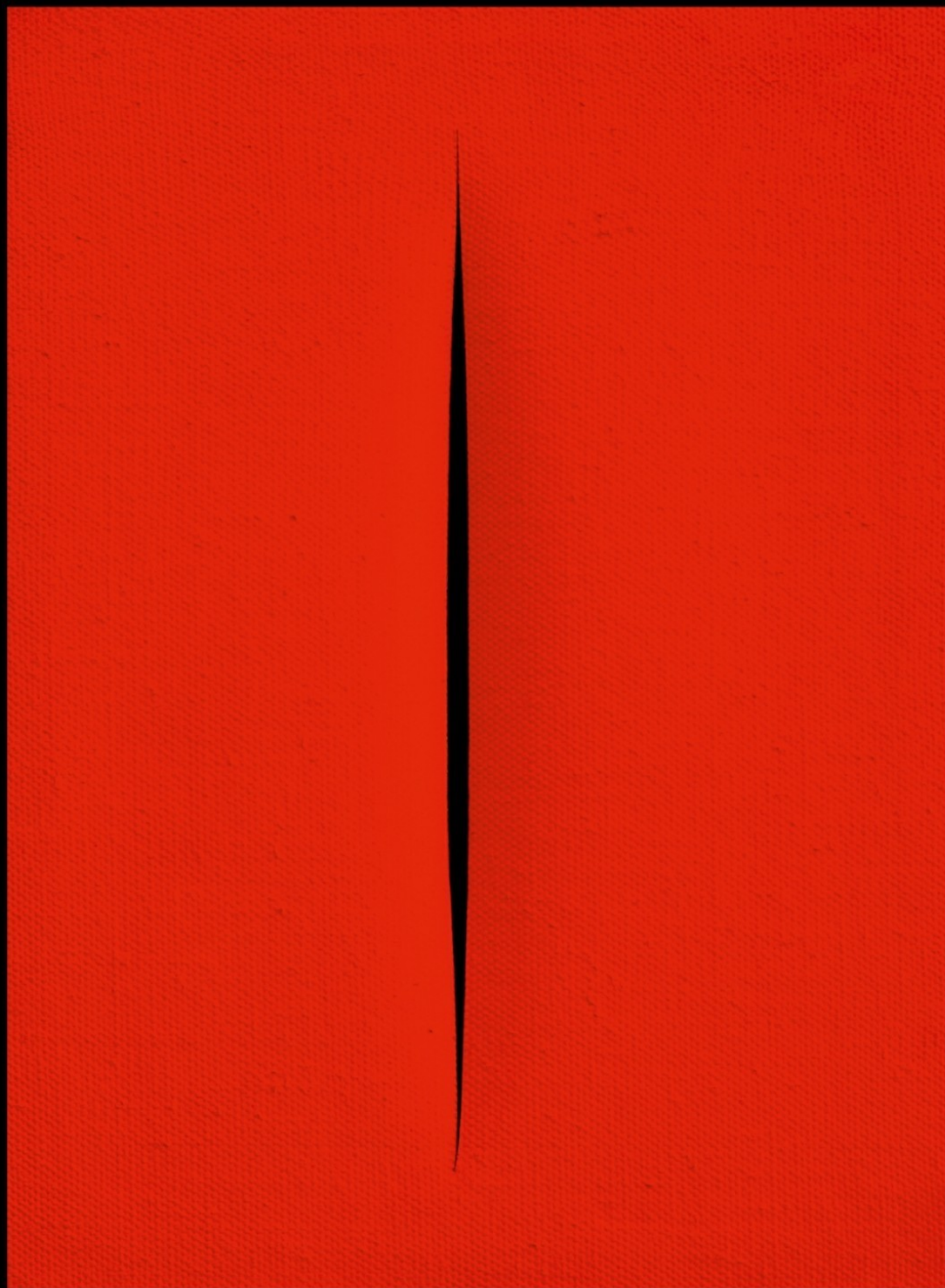

Э д у а р д Д э л ю ж

алый псалтырь
поэтический сборник

18+

Эдуард Дэлюж
Алый псалтырь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дэлюж Э. А.

Алый псалтырь / Э. А. Дэлюж — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1913-0

Книга обжигающей любовной лирики, тонкой, изящной и трепетной, о встрече, которая была предreshена, ибо состоялись и не разменяли себя на медяки двое, верившие в нее. Там, вне времени и пространства, Поэзия и Она - друг друга обнявшие огненные реки, близость – обряд посвящения, и черный шёлк звучит в сонетах алых губ. Танец огня в безудержном сердце, языки пламени, скрещенные в танце в том небе, где их сочли одним, в этом белом краю трепета строф любовь, что вшита им в души. И каллиграфией страсти вычерчивается вседозволенность. Читайте и да пребудет в ваших сердцах бессмертные любовь и поэзия!

ISBN 978-5-5321-1913-0

© Дэлюж Э. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Я ждал тебя, как ждут рожденья Бога	5
Жернова	8
Скажи Ему	9
Число отречений	10
Хватит ли мне сил	11
Здесь могла бы быть дата	12
Гефсиман	14
Да святится имя Твоё	16
Nolite timere	17
Мой Бог сегодня слишком терпелив	18
В это утро прощенных и раненых. Псалом Меон	20
Вместо предисловия	22
Тихо падает лампа	24
Не забудь Его позвать к именинам	25
Кабала святош	26
У оборотной стороны бумаги	27
Воспоминания в белом	28
За полчаса до...	29
Лунница	30
И полыхает мёд	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Я ждал тебя, как ждут рожденья Бога

«Алый псалтырь» – книга обжигающей любовной лирики, тонкой, изящной, огненной и трепетной, пульсирующей страстью и окутывающей нежностью. Глубокие философские строки о истинной Любви, которая бессмертна. Книга – признание в любви одной единственной женщине: его супруге – его музе – его поэзии. О встрече, которая была предначертана.

*Через тысячи лет одиночества,
Задолго до твоего рождения, я знал – есть ты...**

О Встрече, которая должна была состояться, ибо состоялись и не разменяли себя на медяки те двое, что верили в эту встречу. Там, вне времени и пространства, там, где

*В подреберье Боль,
В подреберье Поэзия,
В подреберье Любовь.**

где двое стали оберегом друг друга, где им, выстоявшим, выжившим, не переставшим верить,

*Любовь вполголоса молитвы дочитала,
Одной рукой перекрестив двоих.**

Там, над гербом из розы и пера полыхает мёд и Любовь звучит самой высокой нотой.

*Я колыбельной становлюсь твоей,
И кровь моя цветет, тебя качая...
Как дочь мою, как женицу мою...
Как бесконечность этого признанья.
И я пою тебя от головы до пят...
Всё, что назвали мы, то стало нами...
И длится нота слабостью высот...
Руками смертными тебя я обнимаю...
Руками смертными... и полыхает мёд.**

Рвется нежно и тонко небесная ткань языка... Где вдруг случится, что Любовь – единственное найденное слово. Поэзия и Она – друг друга обнявшие огненные реки.

*Так нежно целовать способен только шёлк,
Шёлк трепета безудержно влюбленных.
Прижмись к рукам ты птицей золотой,
В себе самой пронзительно прощенной.
Той птицей, что запела у груди,
Оставив на губах моих себя...
Себя, в свечах бессонницы любви,
Где всюду только ты, где всюду я.
Где с твоих пальцев -трепетных величеств,*

*Мой демон мёда пьет священный воск.
Кто не утратил утра, не умрёт...
Смерть – это маленький земной обычай
Для тех, кто научил цветенью лёд.**

Двое земных в неземном величии Любви. Двое, умершие и воскресшие в Любви.

*Я буду целовать твоё дыхание...
Я буду лечить твою тоску, когда она, отвернувшись к стене, тихо плачет.
Сквозь воспалённые глаза всех бессонниц, что я провел без тебя.
Пить тебя от небес до плеч. Сплетённые из пальцев и тел,
Из разных снов друг о друге, впитывая прикосновение
На пике абсолютной глубины... Прикованные так намертво...**

Где близость – обряд посвящения в Вечность, и чёрный шёлк звучит в сонетах алых губ.

*Открой мою книгу и переведи с латыни – я люблю...
Пропуская шёлковый вдох сквозь горло... добавь «вовек».**

Смертные, причастившиеся Вечности, познав Любовь; танец огня в безудержном сердце, языки пламени, скрещенные в танце, где каждый поцелуй, словно последний в жизни.

В том небе, где их сочли одним, в этом белом краю трепета строф Любовь что вшита им в души. И каллиграфией страсти вычерчивается вседозволенность...

Где медлительность взгляда дышит, сливаясь с безумством касаний.

Любовь, подарившая им Цветение; страсть, что не знает прошедшего времени.

*Ступай по моим строкам босой
Безудержно, бесстрашно, обнаженно.*

*Смотря в глаза на языке любви,
Когда по имени, когда неприручимо...
Когда нагие полустёртые стихи
Вдруг проступают в выгнувшихся спинах.
Канонами плетений тесноты
Ты – обольстительное credo!
Изгиб касающихся в нимбе красоты
Сквозь ток открытой поцелую вены.
Распав ладони в алых простынях,
Соблазн мой, я беру тебя с собою.
Соблазн мой, я беру тебя чтоб знать
Всё то, что называется любовью.
Родство, не помнящее тел,
У сердца твоего прибуду рукоятью.
Как судорожен воздух платья,
Упавший у моих колен.
И хрупкий отблеск на воде...
Post scriptum обжигающейся кожи,*

*Еретики у ног вселилия любви -
В изнеможении умершей в страсти прозы.*

Рада, что эта книга в ваших руках. Читайте, и да пребудет в ваших сердцах бессмертные Любовь и Поэзия!

Жестова Т.Ф. (филолог, искусствовед, преподаватель воскресной православной школы для детей и взрослых)

* © Эдуард Дэлуж

Жернова

*Говорят, все листья падают в небо.
Говорят, вкус огня смертелен.
Говорят, все дороги ведут в храм,
Говорят, храм он как свет во тьме.
Но видимо я не молюсь их храмовым богам,
Потому что мои дороги ведут меня к тебе.*

Фаталь, да успокоятся шаги,
Того что рок, того что тишина.
Вернутся к берегу все корабли,
Вернутся все пропавшие в дома.
И южный крест распустится цветком,
Звездой потусторонней тишины.

Да будет свет гореть во всех домах,
Да будут откровения просты!
И борозды ладоней вспомнят шелк,
И скипетр, и флейту, и цветок...
Коснувшись музыки отпущенной в сады,
Где быть движением – засечка божьих строк.

Где стерегут врата огонь и лед...
Где летний мёд вновь зиму переждёт,
Где глаз твоих так вечен рок...
Где губ твоих так трепетен порог.

Твои касания одетые в слова
В молчании моих стихотворений...
Я здесь живу и мне по нраву ветер
Раскачивающий эти жернова.

2017г.

Скажи Ему

*"Не прах земной и не металл двуславный,
А честь, любовь и мудрость он вкусит..."
(Данте Алигьери, 103 стих, Божественная комедия)*

Как истинный пророк крута гора,
Река, которая под ней распята...
Не прах земной, и не небесный сплав
Качает вдохновение так свято... -
Трава у ног, обычная трава
И у травы есть имена и даты,
Но кто из нас смотрел в их тишину,
В пророчество, рассказанное Данте:
О том, что Бог всё ходит по земле
На благо самым смертным и живущим
И ищет Слово на песке зыбучем,
То, за которое Он был распят.

Не эта ль Сила красотой щедра?
Не Камень ли что сокрушит земное?
Но если верить в воскрешение Христа,
То весь завет не «Ветхий», НЕВЕСОМЫЙ!
Он Вечный, как Слеза Травы...
"Когда Пятьсот Пятнадцать, вестник Бога"*
Вернется в травяную глубину,
Скажи ему, что я писал для Бога...

Скажи ему, что путь земной – дорога,
Ведущая все имена в траву.

*"Когда Пятьсот Пятнадцать, вестник Бога" -
Данте Алигьери – Божественная комедия, 43 стих.

2017г.

Число отречений

В стеблях короткого звука,
Летящих из темного темени,
Бедность безбедно рассыплет речения,
След не имея обратный.
В северном омуте взгляда
Каждый язык двоичен.
Женщина, холод, прикосновение -
Краткость всегда поэтична.
Длится числом отречений,
Предвосхищая прозрение,
Влага зеркальная передает
Зеркальное сердцебиение.
У существа нет тени,
Отсвета, пораженья,
Смотрят в тебя безразличные камни
Подробно, до отчуждения.
Здравствуй, мой бог наскальный,
Бог одной буквы и праха.
Розой слепой, подземной травой
Я тебя принимаю.
Как переводится Слово?
Себя превзойти иль забыться?
Ладонь, мотылек, трещина, солод...
Дай мне тобой напиться!
В стеблях короткого звука
Меня, обучая вести,
Падает свет на белую руку
Словно твое прощенье.
Влажными ранами дышит
Там, где отводят руки
Демоны в белом, ангелы в черном,
Мне предлагая разлуки.
Нежной случайностью станет
Архипелаг рассвета.
Здравствуй, мой Бог,
Спасавший всех павших,
Следом изъятый из следа.

2017г.

Хватит ли мне сил

Этого я берегу для себя...
Этого не трогайте, оставьте мне...
Хватит ли ему Любви не отвернуться
В час, когда из под ног его я выбью и твердь.
Этого я одену в красное и шипы,
Выдам ему терновый венец...
Этого я ждал не одну жизнь...
Хватит ли Любви ему чтобы не умереть?

Его, прижимающего солнце к душе,
Там, где очередь за зрелищем и хлебом,
Я оставляю в наказание самому себе
За то, что создал эту Веру.

Его...
Я позволю короновать всею болью,
предательством и нелюбовью,
Бесчеловечностью... той, с которой потом к нему придут
Целовать ноги его Вечности.

Его
На руках моя боль понесет,
сколы слез тьмы светом заплачут...

Его
Я обниму всею силою Любви...
той, которой он был оплачен.

Его,
Что по моим глазам течет...
по щекам, по сердцу, по венам...

Его,
Что крест на небо несет...
хватит ли мне сил вынести эту встречу?

2017г.

Здесь могла бы быть дата

*И текст болит, и спать мне не дает...
И снится, и пророчит, и пророчит...
И кто – то в Белом по Воду идёт
И знать что я услышу хочет.
Развязаны у слова рукава...*

Здравствуй,
противостояние белого пера и черных чернил,
Белого листа и типографского свинцового оттиска.
Здравствуй, пророчество и суррогат.
Здравствуй, жизнь и смерть.
Я надеваю сутану белого огня.
Богом у выбора дороги я плачу,
Прижимая жизнь к себе,
А она уходит водой, омывая мои ноги,
И несет эту воду к дереву, готовому расцвести.
Я смотрю на его вековые кольца
И понимаю святость каждой строки кольца.
И я терплю быть здесь, не умирать.

Неуязвимая литера, как сакральный кубок,
подносит к губам Любовь...
Танцуйте и пойте, губы!
Танцуйте так, словно вас никогда не убивали,
Словно вы – осанка царя.
И капает строка...
Она близка как смерть,
Она прекрасна как жизнь.

Пиши, пока взгляд не ослепнет
От блеска всех тех озарений, которым место на земле!
Кто знает, что вокруг бело – пишет белым.
Значит, словам моим длиться без остановки...
Значит, жесту моему ловить строки из ветра
и плавить металл.
Хочешь, я тебе переведу язык божьего сердца?
Хочешь, я расскажу тебе о том, что внутри мира...

Что еще?
Видишь, там впереди падает лист, как праздник.
Отточив перо, он исполняет обет,
Отточив стило, он чертит письмена
В ровном биении часов без стрелок.

На четках души кто-то знающий больше, чем Данте

Молчит и перекачивает Слова, побелевшие от вечности.
Я жил во все времена...
До скончания времен...
И оживали бабочки и боги,
И умирали бабочки и боги...
Кем? Чем? Кому? Чему?
После всего, что они пережили, они стали Поэтами.
Немолитвенным осталось лишь время,
Столь же бесполезное, как скрип неживых слов в пустоте,
Где неожиданно появляется Бог
И смотрит на то,
чем заставлено и захламлено в загробевшей коже твоё испытание –
стать душой.

Обладание – это запах пыли и смерти...
Помяни мя, святость белого нежного первого снега...
Сажа стала совсем бела.
В памяти снега и сажки странная тишина.
Живое всегда из нежности, дрожи, тепла и холода...
Живое всегда из слез и смеха.
Чем больше ты умер, тем мертвей мир.
Чем больше ты жив, тем тяжелее ноша.

Что я тебе и кто?
Где это – когда ты жив?
Где это – когда ты умер?
Просмотреть добела эту жизнь!
У небес есть земля, у земли есть небеса.
Тишина слышна только тишине.

/Здесь могла бы быть дата/

2017г.

Гефсиман

«...пошли мне сад...» Марина Цветаева

Пошли им сад...взаймы

Я поцелую веки темноты...
Сегодня воскрешенье, вечер третий,
И где-то рядом искренний Иуда
Разбрасывает золото на ветер.
Как чёрны жилы всех невыживших... Сейчас,
Есть воля и покой, и это – Бог...
Вновь подданные посуху летят
В ветрах, что возвращаются домой.
И где-то тут, в фасадах темноты,
Всё непонятное совсем не может спать...
Пошли им сад в конверте голубом
Твоих молчаний и твоих утрат.
Твой гефсиман и бабочку к плечу,
И перышко, летящее вне круга.
Под фонарями серебрится скука,
Отряхивая побелевший звездопад;
Сквозь время этой медленной зимы,
Которую называли нынче летом,
Тут, где мне хочется сказать «прости»,
За всё, что не считают люди Светом.
И прежде чем, мы отразимся в зеркалах,
Спой напоследок, пришивая рукава
К простому платью, что подарит вес
Покуда не окончится игра.
Неснящимся друг другу никогда
Ты пожелай с любовью лишь любви.
Пусть держат за руку мгновения строфу,
Будто забыли что-то в ней... сказать?
Так в этой жизни задувающий свечу,
Задует всё, что мало и велико,
И шепчет кто-то так тепло и тихо:
Пошли мне сад...
Пошли мне сад, пусть он нагнется до земли
От волоска до пят и преданный и предан.
Пошли мне сад, пусть станет частью речи
Первооплаканная тишина.
В зверинце ночь и трапеза черна.
Пошли им сад, пусть бродят в нем волхвы.
Пошли им сад, где белые штрихи
Помазаны на веру до утра.
Там, кропля алфавитный сонник...

Внутри у слов такая же душа,
Как и у тех, кто слов твоих не понял,
Как и у тех, кто ими лишь дышал.

2017г.

Да святится имя Твоё

Подожди, я вплету в эти ветви слова...
Подожди, я вплету в это небо листву...
Постоим, там, где снег не умеет молчать.
Постоим, там, где хочется звать весну.

На рубахе останется алым пятно,
Цвета сердца разлитого кем-то... тогда.
Там, где вечер роняет в траву звездопад...
Там, где ветер роняет траву на косу.

Расскажи, все же знают, что будет в конце...
Будет жизнь, не такая, иная, не мы.
Оттого я, целуя весну не могу
Ждать другой, ждать иной, очумевшей весны.

Незаметно меняются дни... чей черед? -
Быть отцом или сыном... заходить в белый свет.
Список длинный... и снова пройдет,
По дороге косы наш сто пятый рассвет.

– Сын мой, мягко ль спать тебе тут?
– Отче мой, да святится имя Твоё!

А помнишь, мы сидели за столом...
Под вечер... тихо... преломляя хлеб.
И запивая кровь свою вином
Мы так любили слово – человек.
А помнишь стол стоял уже пустой,
Все вышли из-за этого стола...
И кто-то плакал по пути домой...
А кто – то пел... забыв у песни все слова...
Но воля их... была уже не ТА.

2017г.

Nolite timere

Проси дождя, печальный и уставший,
Проси сады, ведь завтра будет дым.
Во все глаза невидимый и страшный
Приходит сон и к мертвым и к живым.
Что будет горячо... что будет холод?
Все рождено и умерло взаимы!
Я буду здесь, я буду невесомым
В молчаньи этой нежной синевы.
Трижды скажу, а после обещаю
Не говорить и вслух не вспоминать
Ни на каком из языков святую тайну,
С которой при рождении кричать
Мы начинаем. И не дрогнут версты,
Не встанет и не ляжет темнота...
Я не задам ни одного вопроса
Во все глаза идущий к небесам.
Переплывя ночь на пароме возвращенья,
Один ночует бог, он пилигрим...
Он сирота, и он не требует прощенья
За онемевшее, за медленное Зим.
Еще не пета литургия...
И воздух именем еще не осквернен.
Проси весны, где ничего отныне
Не произносит вновь неназванных имен.
Возьми непрочность и снеси весне...
Цветут от жажды... плачут от избытка.
Два языка и лишь одна попытка
Соединить две ипостаси в тишине.
Где тверди отреклись от прикасаний,
Где воздух разрешил быть нагоде...
Где камень гроба был отвален,
Там не было Его... там были все.

И мне дышать и воздух целовать
Хотя бы здесь, хотя бы ненадолго.
Что хочешь ты еще о жизни знать?
Что смерть – ее законная супруга?
Что будет горячо, что будет холод?
Не бойся, время выдохнет тобой!
Там, где тебе начертан этот шорох
Строк ненаписанных тобой.

2017г.

Мой Бог сегодня слишком терпелив

*Не ищи меня...я сам приду
В день,когда...
Ты во имя нас,
Мы во имя Тебя
Настрадались.*

Там кто-то спал в саду молчащих крон
Учителем потерянного смысла.
Горели рядом ледяные числа,
И были руки в тишине икон.
И колыбель застряла в голубом,
Кружила и качала ожиданье,
И дерево смотрело изнутри
На этот кровный занавес молчанья.
В прозрачные глаза молясь рассвету
(Мой Бог сегодня слишком терпелив)
Он рядом встал и музыкою Света
Благославил и мертвых и живых.
Постой ещё... дыхание дая
Последней нежности, покорности руки...
Заговори и воплоти меня
Вот в эти покаянные стихи.
Тот, кто зимою был Твоей крещён,
Тот, видимо, честнее говорит.
Сегодня ты за кем-то приходил...
Вот этот лист...он падает...он сонм.
Еще не слепота... уже не зренье...
Молчи со мной, не знай мою строку!
Оберегай меня, обернутый в сомненья,
Узнавший и простивший глубину.
Как говорить тебя, где вынули из тела
Твой мимолетный взгляд...покорности отдав
Твоё святое и нагое в спелом;
Как будто понесли так неумело
К черте, где ни о чём не говорят.
Мне нравится молчать с тобой стихами...
Кто пишет, тот совсем не говорит.
(Бог терпелив в твоей исповедальной)
Бессмертье на земле всегда болит.
Вновь пахнет святостью в острогах тесноты,
Где кто-то, целовавший твою кожу,
Тобой сегодня всеу пренебрег
И, может, этим он тебя сберег
От высоты стремящейся под кожу.
И вспоминает сад как он цветет

Корнями перевернутыми в Лету.
Теплее крови Воплощенный Света,
Он уязвим, он ничего не ждёт.
Глухонемой в присутствии имён,
Не хорони цветы – наследство живших...
В твоих следах запутался Креститель,
И опоздал Иуда в тишину...
А я иду по лезвию на тризну
И поперёк судьбы пишу строку.

2017г.

В это утро прощенных и раненых. Псалом Меон

*"Я ищу тебя, моя любовь, среди ищущих быть с тобой"
Себя отдам тебе я даром.*

1.

Где говорят хранители с цветами,
Где говорят хранители с больными,
Играют ветры золотыми голосами,
И травы обнимают косы злые.
Где ты – огонь, убийца, свет и тени
Под резким белым неба падающих крыльев,
Где говорят архангелы с цветами,
Где говорят архангелы с святыми.
Солнце живых вновь, веруя, восходит
В нектар и прах, пропитанный тенью...
Где говорят апостолы с святыми,
Где говорят апостолы с корнями.
И в пальцы чьи-то вкладывают звуки,
И в пальцы чьи-то вкладывают строки
Розы Тюдора наполовину алой,
Чтоб говорили смертные словами.
Чтоб говорили вечные со смертным,
И первый снег летел в руинном храме,
Где говорят хранители с живыми
Таковыми смертными от вечности глазами.

2.

Уроните меня в это небо,
Где господство казнить и миловать...
Где мое бренное тело
Так стыдится земного лица,
Где руно серебра мне впору,
Где нетронутый золотом лиры,
Я ступаю по хрупкому воздуху,
На котором звенят письма.

Мальчик с ангелом на пепелище,
Мальчик молит волею Господа,
Мальчик клеит чашу Грааля
На обшарпанной кухне во тьме.
Где из каждого прикосновения
Из него вырастает мужчина.
Где из каждого воспоминания
Из него вырывается звон.

Под пологом холода времени

Мимолетная вещь осыпается,
Все прозрачное прикасается
К его детским и взрослым рукам.
И чернилами брэнного времени
Слез бесцветных строка осыпается...
И чернилами вечного времени
Каменеет в скрижалях строка.

В это утро прощенных и раненых
Воздух медленен, воздух праведен...
Он подобен качелям оставленным,
Он подобен белой реке...

Иоанн к реке опускается...
Иоанн водой омывается....
Иоанн в воде растворяется
Гладит рябь – её письмена.
Его пальцы вливаются в воду,
Словно реки вливаются в небо,
Словно в Лете написана правда
О молчании Бога...когда
Он по красной дороге вернется...
Раны ступней ему омывая,
Раны рук ему омывая,
Станет белой эта река.
Иоанн крестит воду и плачет,
Иоанн слышит выше, чем звезды
Уроните его в это небо,
Где танцует Господь на ветру.
Где прочитан псалом меона,
Где господство казнить и миловать.
Где два мальчика* ждут спасителя,
Омывая три чаши в реке.
В это утро прощенных и раненых...

** Меон – философское понятие*

** Где два мальчика ждут... – Иоанн и Иуда.*

2017г.

Вместо предисловия

*И в сердце твое вбивали гвоздь, чтоб оно плакало,
А оно проросло листьями...*

Дочитать книгу до эпилога,
Древо страниц все еще трогая теплыми пальцами...
Древо, на котором написано имя и название
И все то, что мне хочется забрать с собой в дорогу.

Белый искренний звук всегда идет с тобой,
куда бы ты ни пошел!
Это для всех мертвых он одинаков.

Я проливал свет твоих строк,
а он снова возвращался в меня...
Я включал темноту, но и она текла к Свету.
Эхо твоих строк...
Я замирал в ожидании сна, но и тень моя касалась солнца.
И шепот строк возвращался...
Каждой строкой утверждая – ты цел.
Ты поешь о том, о чем люди забывают петь...
Тут, на земле, где дети впадают в старость,
еще не успев родиться...
Тут, где язык твой так близок к Небесам...
Удивительное чудо языка Души -
Если ты говоришь дождь, то он начинает идти...
Капли на моем лице...
Алтарь твоих слов,
Переполюсь ответами, и расцветает пустырь...
Сжимаю воздух в ладони и отпускаю...
Тело постигает уроки прощания;
Но девочки, как и прежде, укладывают спать кукол,
И мальчики рисуют корабли.
И движутся к востоку мотыльки
Услышать шепот твоей пишущей руки...
Где идет дождь... и каждая строка видит свое отражение.
Время режет линии на ладони,
А строки твои смотрят в бесконечность...
Час безвременья – время читать тебя.

Пусть услышит мир, что тебя создала Любовь,
Где каждая твоя точка – это Амен.
Я вдыхаю их глубоко.
То, что видно, всегда отвечает...
Покажи миру его слабое место!
В книге мертвых пишется только твердь.

В книге живых – только Любовь и Небо...
Потому, что у Бога нет начала и конца, края и формы...
Он – Поэзия.
"Если ты нашел свой Цветок – то умри за него,
ибо это сакральный смысл твоей Души."

Иди за край глаз, там все, кто ожил...
Пустота в песочных часах всегда значима...
ибо она подчеркивает воздух времени...
Воздух цветения, опадания, ожидания и снова цветения...
В любой час... и в самый трудный час, когда замерзает вода...
Когда так странно смотреть через свои глаза,
Когда можно отмерять хоть десять раз,
но так ничего и не отрезать... а лишь отразить.

Отраженные строки... блики молчания...
Закладка в книге всегда падает в тишину
И со скоростью тишины листает прочитанное...

Бьется Тишина о сквер... слышишь?
Книга закрыта, но она еще говорит во мне, мной...сейчас...
Восьмой Цвет,
Восьмое Чувство,
Восьмой Знак,
Восьмая Нота,
Где каждая твоя точка – это Amen.

2017г.

Тихо падает лампа

В эти ясные дни, ты – почти что библейский плотник,
Мастерящий лампу в Гефсиманском саду.
В том саду, где под этой же лампой "больных животных",
Будет мучить ненависть ближе к утру.
Я иду. Мои гости уже на подходе.
И в театре теней происходит, как прежде, игра...
Я все слышу. Я их знаю, я смотрю им в глаза на входе...
Тихо падает лампа, ими сбита со стола.
Вечность тихо поет,
В оркестровой пропасти воскресенье.
Потерпи... потерпи нелюбимым быть,
На спине унося все оскалы хлыста.
Возвращается всё, что-то завтра, а что-то сегодня...
Выходя из родильной, не забудь – не закрыты Врата.
Где-то в той глубине, где тебя молчаливо распяли,
Был и цвет Гефсимана, и лампа, и блики теней...
Став прозрачным, ты видел, как стирается скорбная рана,
Что-то снято с плечей – Крест, наверное... больше ничей.
Потерпи, нелюбимый, никого не пришлют на замену!
Да, читать всех по язвам и боли – на земле тяжело.
Мастери свою лампу, пусть летят эти отзвуки света
В их подкожную, тленом сиявшую тьму.

2017г.

Не забудь Его позвать к именинам

Не забудь Его позвать к именинам...
Именинам, где празднуют вечность.
Он смотрел нам всем в глаза на равнинах,
Он с креста смотрел совсем безоружным.
Он когда-то сочинил твои строки,
И мои, и их унес к Воскресенью...
Пересказывая Отцу наши души
Где-то там, за пределом забвенья.

2017г.

Кабала святош

Человечество – самый древний котел:
Бедность избранных, сцена партера,
Первый жар увертюры, где ноты и духа и тлена
Вызывают смятение в публике выживших душ.
Где в смешении всех языков наступленье октав.
Бог проходит по клавишам
Дирижируя: громче ли, тише...
И достаточно искры, чтоб отправился к праотцам
Весь театр теней, «англетер», философия тризны.

Здравствуй, Пале – Рояль, ступение света и мрака.
В клавесине Мольера рожден эпизод,
К каждой ноте пристегнут кортеж
Словно реквием... черно-белая дата -
(Снова мертворожденный...)...
Извлекай свои ноты, золотой Бутафор!
Инквизитор литавров повторяет символику круга...
Первый жар многоточий и комедией выплакан лист...
Здравствуй, звукоубежище... Репетируем первую букву...
Да святится молчание самых древних на свете Кулис.

** «Кабала святош» – пьеса в четырёх действиях М. А. Булгакова,
написанная в 1929 году. Ставилась также под названием «Мольер».*

2017г.

У оборотной стороны бумаги

Вновь птицы певчие поют по вечерам
И голос их, от боли неземной,
Становится евангелием цветов,
Становится омовеньем ран,
Стоящих насмерть на восторге слова
Такого звучного, что глохнет тишина!
Чей герб – покой, луна и седина...
Чьи тени у разрушенной колонны
Слагаются под вечер в имена.
И вновь слова темны, а сны прохладны,
И вновь пространство не имеет глаз.
И вновь приходят, отовсюду – стихи,
Которые из бренности ты спас.
Рассаживаются, в литеры смотря,
И пеленают в лист свои чернила.
И близоруко ближним моют ноги...
Не святость это, это больше... – это боги,
Непомнящие в лунных снах себя.
На месте сада вот стоят они
Духовные и бедные деревья,
На тощих пальцах держат откровенья
И просят за молчание прощенья,
И так хотят перелететь свой страх!
В осколках музыки вечерние сады,
И рвут им сердце певческие знаки,
Читающие их, контекст велик
У оборотной стороны бумаги.

2017г.

Воспоминания в белом

Мир был зачат на острие Любви
И сумасшествие своё скрывать не думал.
Он, феерические складывая суммы,
Минусовал нас всех из плоти лжи.
И, заполняя пустоту числом,
Он выбирал и ангела и зверя...
И человек, в божественность их веря,
Всему и всем вновь становился близнецом.
И хаос знал в лицо своих детей,
И не искал за муки оправданья....
Он верил только в мимолётное создание,
Любившее в себе и свет и тень.
Ты, рассчитавший траекторию, скажи -
Зачем в тебе пустует вера в чудо?
Ты каждый раз, вернувшийся отсюда,
Вновь возвращаешься сюда,
Устав бессмертным быть.
Ты – способ речи сердца, рук, души,
Речитатив, штурмующий причастье...
Ты – неизбежность, тонкий ладан на запястьях...
Возьми в кавычки в этой жизни слово "жизнь".
Ни шелестом, ни жестом несводим,
Возьми себе воспоминанья в белом...
На ниточке, на образке вселенной
Ты – люлька, ладанка, ты – острие «аминь».

2017г.

За полчаса до...

И листья звуками по сердцу неба...
Не пой небесное, еще нам рано!
Слова как лезвия, слова как раны...
И слово «родина» меняет смысл тризны.
Как плоть того, кто непроизносим,
Как память Вифлеемского младенца...
Всё, что в душе рубцуются – то сердце
Уже проснувшейся в тебе весны.
О, вымоленный мой – тыходишь в тень...
О, вымолченный мой, тыходишь в слово...
Сегодня Бог за солью заходил
За полчаса до...Рождества Христова.

2017г.

Лунница

Я был даром твоим,
Переводом с души на перо.
Спал ли я в эту ночь,
Был ли крестик заговоренным?
Ты случилась со мной
Песней бархата, негою губ,
Красной мельницей
В платье отчаянно чёрном.
Я искал тебя в днях,
Обошел тайны правды и лжи,
Только чтоб посмотреть
В глаза твоей тайне!
Как хозяин листал
Рассветы, закаты и сны,
Где молчал экслибрис
Но шептало мне имя дыханье.

Я люблю тебя, слышишь?!
Это мой эпилог.
Полноправная флегма
Звать звезду, спать устами...
И библейскою болью
Возводить на костер наготу,
Ту, в которой к тебе
Прикасался я в смертной рубахе.
Подставляю глаза,
Нет, не щеку,
Не нужно любить
Моё чёрное в белом,
Моё белое в чёрном.
Я был жаром твоим,
Я дыханием был,
Я был царством твоим,
Возложившим на сердце корону.
Ты обрящешь...
Вспоминай меня в каждом из всех.
Где безудержны взгляды,
Ожиданием всех ожиданий...
Я был небом твоим,
Не на жизнь, а на все небеса.
Я был хлебом твоим,
Но каким-то отчаянно чёрным.
Не жалею меня
Ни луною, ни львом, ни фатой...
Поцелуй меня розой в созвездии Чаши...

Поцелуй мое солнце,
Когда я взойду над тобой,
Поцелуй мою тень,
Когда уроню в вечер звезды.

И когда мир оглохнет
"во имя" страстей,
Ты захочешь услышать
Ветер лирики утонченной...
Поднеси к роднику
Невесомую строчку воды,
И испей с её губ
Нежный воздух заговоренный.
И смотри ей в глаза
Отраженьем себя...
В бархат песен и отзвуки света.
Ты увидишь там высь,
Что касалась тебя...
То ли чёрное в белом,
То ли белое в чёрном.

**Лунница – древний славянский оберег,
влюблённые обменивались им
в знак преданности друг другу и бесконечной любви.*

2017г.

И полыхает мёд

Так нежно целовать способен только шёлк,
Шёлк трепета безудержно влюбленных.
Прижмись к рукам ты птицей золотой,
В себе самой пронзительно прощенной.

Той птицей, что запела у груди,
Оставив на губах моих себя...
Себя, в свечах бессонницы любви,
Где всюду только ты, где всюду я.

Где с твоих пальцев – трепетных величеств
Мой демон мёда пьет священный воск.
Кто не утратил утра, не умрёт...
Смерть – это маленький земной обычай
Для тех, кто научил цветению лёд.

И, раздевая нашу кровь,
Октавы рук безудержны и вечны!
О, донна Нежность... о любви ли мы?... о ней!
В той лодке, где мы – лунность, трепет, встречность,
Рассказанные мной наоборот.

Дай мне глаза, и не закроюсь я лицом.
Дай мне уста, я не закроюсь поцелуем...
Мы упадем в роскошно – золотой,
В тот алый звук, где мы любовью будем.

Где над гербом из розы и пера
Распустятся и годы и столетия...
Вновь веер ночи подчеркнет твои глаза,
О, донна Млечность... руки... губы... плечи.

Ликут пчелы в голубой крови,
За нас с тобой, целуемых впотьмах...
За ладан откровения любви...
Глаза любви моей, я весь в твоих глазах

Когда нам ночь кладет на плечи тьму
Шипами оживающих наречий
На черном шёлке, шёлке подвенечном,
Натягивает нежность тетиву.
Я обнимаю твои плечи и молюсь,
Я поцелуями вымаливаю плечи.

Губами в губы... перевод без слов...

Губами невозможно надышаться...
И чем темнее ночь, тем ярче кровь
В той близости безудержного танца.

Шёпот свечи стихами по плечам...
И россыпь диких нот играет пламя,
И мы идем над бездной за цветами
По узкой досточке качающихся вод.

Я задыхаюсь... в пальцах дань огня,
Дарить тебе смертельную тебя...
Смертельно – яркое в смертельно ярком...
Растрать меня... распей, разлей меня
Как близость в изложении огня.

О сумасшедшая... моя... строка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.